

Оглавление

ЗНАКОМСТВО, ИЛИ ВВЕДЕНИЕ 10

ГЛАВА I

РАННЕЕ И ВЫСОКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Раннее Средневековье 29

Высокое Средневековье 35

ГЛАВА II

РЫЦАРСТВО: ВОЙНА КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ

Феодальная иерархия 44

Война 48

Ценности рыцарства 54

ГЛАВА III

СЕНЬОРИАЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ. КРЕСТЬЯНЕ

И ГОРОЖАНЕ

Сеньориальные порядки 62

Крестьяне 68

Горожане 72

ГЛАВА IV

ЖЕНСКИЙ МИР. СЕМЬЯ. КУЛЬТ ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ

Женщина и семья 78

Культ Прекрасной Дамы 88

ГЛАВА V	
ХРИСТИАНСКИЙ МИР	
Церковь	94
Вера	98
Ученость	104
ГЛАВА VI	
ЧЕЛОВЕК СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: БЫТИЕ	
И МЕНТАЛЬНОСТЬ	
Триада смерти	112
Традиционализм	120
Ментальность	125
Телесность и жестуальность	131
ГЛАВА VII	
СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОСМОСЫ	
Пространство	136
Время	142
«Возрасты жизни»	150
ГЛАВА VIII	
МАТЕРИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ	
Варваризация	158
Технологии, материалы	162
Отрасли экономики	168
ГЛАВА IX	
ГОРОД И ЖИЛИЩЕ	
Город	174
Жилище	177
Интерьер	182
Мебель	187

ГЛАВА X

ПИТАНИЕ. КОСТЮМ

Питание	192
Костюм	199
Готический стиль	202
Франко-бургундский стиль	205

ГЛАВА XI

ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ, ИЛИ РЕНЕССАНС

Ренессанс: открытие мира и открытие человека	210
История западных стран	214

ГЛАВА XII

ЖИЗНЬ ВЕРХОВ: ПРИДВОРНЫЙ МИР. СТИЛИЗАЦИЯ

«Желание прекрасной жизни»	222
Античность	225
Рыцарство	229
Война	234
Придворный мир	240

ГЛАВА XIII

БРАК И СЕМЬЯ. КУРТУАЗНОСТЬ

Брак	244
Семья	250
Куртуазность	256

ГЛАВА XIV

ТЕМА СМЕРТИ: МАКАБР

Макабр	260
«Искусство умирать»	265
Траур	269

Кладбище.	273
Брутальность.	276

ГЛАВА XV

ГОРОД И ЖИЛИЩЕ РЕНЕССАНСА

Городская среда	280
Жилище	284
Интерьеры	286
Мебель	293

ГЛАВА XVI

КОСТЮМ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Ренессанс и маньеризм	296
Таблица названий отдельных предметов мужской одежды	298
Италия	299
Испания.	303
Франция	307
Англия и Германия	310

ЗАКЛЮЧЕНИЕ, ИЛИ ПРОЩАНИЕ	313
------------------------------------	-----

ЗНАКОМСТВО, ИЛИ ВВЕДЕНИЕ

Здравствуйте, дорогой читатель!

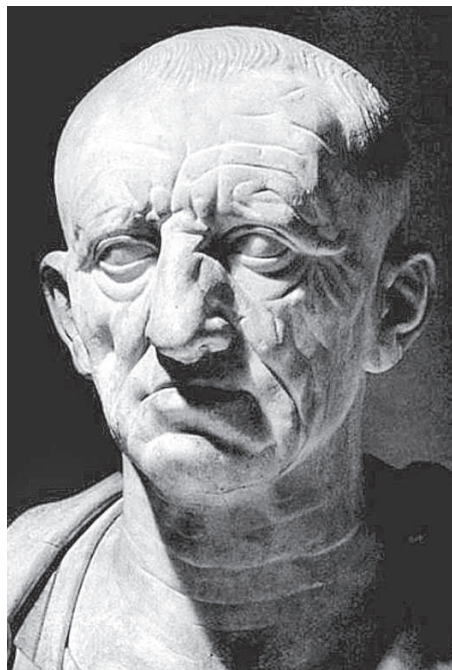
Для первого знакомства необходимо представиться. Эта книга приглашает Вас совершить путешествие в чужой и чуждый, странный мир Средневековья, познакомиться с ним и поговорить о нашем далёком прошлом. Нашем ли? Это ещё вопрос. Конечно, было и нечто общее у русского и европейского Запада, собственно европейские черты и характеристики жизни того далёкого времени были едиными, но много было и отличий. Так что лучше, во избежание путаницы, сразу же определиться, что говорить мы будем исключительно о средневековом Западе.

И ещё необходимо сделать целый ряд пояснений, чтобы избежать неожиданностей и чтобы чтение могло доставить максимум удовольствия, удовлетворив такой естественный интерес к прошлому. Собственно говоря, любая рассказанная история — это путешествие на машине времени. Поскольку наше путешествие виртуальное, оно будет безопасным и даже приятным — совсем не таким, каким оно было бы в реальной жизни. Книга, великое создание «Гутенберговой эры», позволит нам совершенно безопасно приблизить к себе те незапамятные времена. Возможно, совершаться сие путешествие будет с комфортом, поскольку «путешественник» сможет удобно и уютно расположиться с книгой на диване.

Следует, конечно, остановиться на содержании этого рассказа. Давно уже канули в прошлое те дивные времена, когда

получить знание, информацию можно было, просто слушая пение неких рапсодов или аэдов, сказителей древних эпических поэм и всевозможных саг. В Новое время их заменили магистры и профессора, вещавшие с университетских кафедр. И сейчас во всех гуманитарных университетах, конечно, преподаётся история, в том числе история Европы. Более того, она преподаётся и в школах. Тематика этого курса, однако, достаточно ограничена, и к тому же далеко не все читатели заканчивали университеты или же исторические факультеты. И поэтому нам необходимо данное предисловие. Оно позволит читателю со знанием дела обращаться с расплывчатым, но весьма популярным в нашей жизни термином «повседневность».

Обычная жизнь людей в тот или иной период времени — это повседневная жизнь. Но с самим понятием «повседневность» возникает масса проблем и трудностей, хотя повседневность принадлежит к наиболее значимым сферам культуры, представляет собой базисную, фундаментальную структуру. Культура повседневности — казалось бы, чего проще... Однако культура в обычном, бытовом понимании — это искусство, философия, идеи и идеалы, нечто высокое, а повседневность — некая низменная проза жизни. О чём же пойдет речь? Культура повседневности — это ли не парадокс, оксюморон, сочетание противоречащих друг другу, несовместимых понятий? Давайте разбираться.

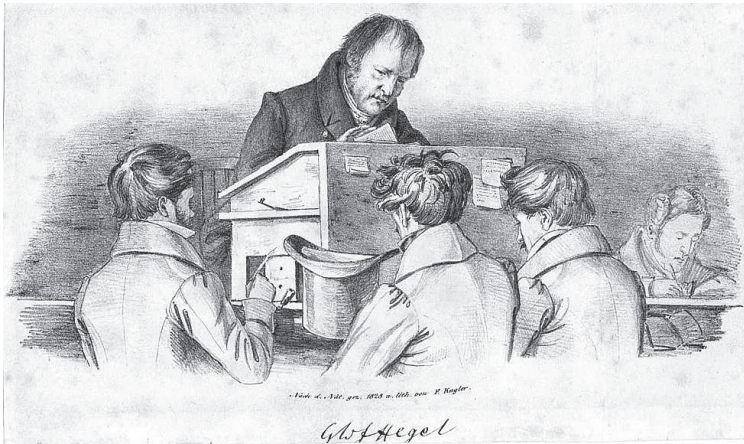

Бюст римлянина из Отриколи, который традиционно отождествляют с Катонем Старшим. 80-е годы до н. э., Рим, музей Торлония

На протяжении длительного времени понятия «культура» и «повседневность» существовали автономно. Их пути не пересекались ни в научных трактатах, ни в обыденном представлении, и потому долгим и тернистым был их путь навстречу друг другу. Впервые слово «культура» встречается в античности, у Марка Порция Катона Старшего, цензора Римской республики. В его трактате о земледелии — одном из самых древних, ранних произведений на латинском языке — говорится об агрикультуре как о возделывании земли, уходе за ней.

С XVII века понятие «культура» существует как термин, как самостоятельная дефиниция. В классической философии она рассматривалась как результат просвещения, как цвет бытия народа, изящный, но бранный и хрупкий — в частности, у Й. Гердера. И. Кант, рассуждая о ней, апеллировал к нравственному совершенству и долгу. В идеалистической философской системе Г. Гегеля она представлена как некий высокий уровень абстракции. С другой стороны, культура в его представлении тесно связана с духом народа и потому выступает в форме творений, создаваемых этим народом. Гегель выделяет культуру «теоретическую» и «практическую», моральную и интеллектуальную, закладывает культурную иерархию, говоря о «высших» и «низших» культурах. Далее ученые приходят к выводу о расширении смысла понятия «культура»: её противопоставляют природе. Эта идея оказалась плодотворной, особенно для изучения повседневности, поскольку она определяла культуру в её максимально широком, антропологическом, то есть человеческом ключе: «...природа есть совокупность всего того, что возникло само собой... Противоположностью природе в этом смысле является культура как нечто, что непосредственно создано человеком».

Двойственность и даже поляризация смыслов прослеживается и в истории её появления на отечественной почве,

Литография Ф. Куглера. Гегель с берлинскими студентами. 1828

в происходящей с ней эволюции. Как отмечают исследователи, понятие «культура» получает в России распространение в первой половине XIX века. Оно первоначально бытует в тех кругах интеллигенции, которые были связаны с образовательной или издательской деятельностью: в среде литераторов, издателей, в профессорско-преподавательском корпусе.

Смысловая аура понятия «культура» весьма близко соприкасается, а то и отождествляется с понятиями «образование», «воспитание», «просвещение». Именно в этом смысле трактовали культуру русские философы, заложив тем самым традицию её использования в среде русской интеллигенции. Например, у В. Соловьева она связана «с миром божественного», а у Н. Бердяева – с сакральным культом, традициями, с «жизнью религиозной»; к тому же он считал, что культура «аристократична» по своей сущности. У И. Ильина она «духовна по своей природе», а у К. Леонтьева она есть «система отвлечённых идей». В трактовке символистов культура понималась так же однозначно – исключительно как духовная.

Иная линия интерпретации феномена культуры идёт от социальных реалий отечественной истории. Необходимость повышения культурного уровня народных масс была провозглашена насущной задачей после Октябрьской революции, в период так называемой социалистической культурной революции. Тем самым был дан старт широкому распространению этого понятия в обиходной речи и одновременно его трансформации как системы норм и правил поведения, как определённого интеллектуального стандарта: «культурный человек», «культурное поведение».

Данный процесс происходил одновременно с утверждением в качестве официальной идеологии марксизма с его приматом материального производства. И потому в обществе закрепились понятия «культура производства», а также такие гибриды, как «физическая культура», «правовая культура». В планово-хозяйственной системе СССР сложилась практика применения данного термина в узкоотраслевом смысле: культура как отрасль народного хозяйства. К ней, помимо искусства, относились библиотеки, музеи, клубы и другие учреждения непроеизводственной сферы, выполнявшие образовательные, воспитательные, рекреационные функции. Утверждается уникальный отечественный термин «учреждение культуры». Естественно, феномен повседневности с присущими ему характеристиками тривиальности и рутины не мог быть соотнесён ни с высокими творческими достижениями интеллектуальной или художественной деятельности, ни с идеалом культуртрегерства.

В свою очередь, повседневность как важнейшая и «вечная» тема культуры также имеет длительную историю. В различные исторические периоды она воспринималась и оценивалась по-разному. Начиная с эпохи Возрождения повседневность получает сословный характер и оценивается как характеристика низших сословий. У просветителей она

обретает вообще негативный оттенок: в духе приоритета Разума, всего рационального они противопоставляют природу и человека, чувства и разум. Этот «разрыв» реальности, резкое и жёсткое противопоставление природы и человека, существовавшее на протяжении двух столетий, входит в идею Прогресса. Прогресс достигается усилиями людей, и человек предстает творцом и демиургом, призванным перестраивать жизнь в соответствии со своими гражданскими, нравственными идеалами. Ориентируясь на мир логики и порядка, прогрессистский идеал отрицал бытовую план человеческого существования. Место повседневности было определено в одном ряду с дремучей патриархальностью, стало синонимом невежества и суеверия.

Эти идеи правили бал и в XX веке, отсюда во многом исходила тоталитарная практика. Разрушался «старый мир», строился «новый», имеющий определенный план, структуру, порядок. Мир повседневности, «жизненный мир» человека в широком смысле был презираем, он воспринимался как заведомо более «низкая» сфера, которая должна быть «преодолена», «реорганизована» на основе теоретических моделей. Однако то, чем пренебрегали, оказалось чрезвычайно важным для природы человека, для общества и культуры. Кризисные явления мировой истории заставили по-иному взглянуть на многие ранее незыблемые теории.

Трансформация в отношении к этой теме относится уже ко второй половине XX века. Попытки преодолеть кризис европейской науки, критика техногенной цивилизации вновь побудили обратиться к традиционалистским ценностям, среди которых было внимание к бытовому плану как к важнейшему аспекту человеческого существования. Восстанавливается доверие к реальности: реалии быта, обыденное сознание, предметная среда, окружающая человека, осознаются как культурная ценность.